

Г. М. ПРОХОРОВ

Летописная повесть о Митяе

Повесть о Митяе — это небольшой рассказ о том, как в XIV в. московский князь пытался поставить во главе великорусской церкви, выделив ее из митрополии «всая Руси», близкого себе человека. Речь идет о беззакониях, насилии, обмане, подделке документов, подкупе. События начинаются до, а кончаются после Куликовской битвы. Героев этого повествования мы видим сначала в Москве, затем в Константинополе, по пути туда они встречаются с Мамаем, — как раз накануне его похода на Русь. В наше поле зрения попадают греки, итальянцы, татары, турки. Подобной истории международных церковно-политических интриг мы не найдем в современной и предшествующей Повести русской литературе. Едва ли не впервые русское историческое повествование приобретает здесь черты памфлета, иронию и недоговоренность, оппозиционный политический подтекст.

Повесть о Митяе принадлежит к не существующему в наши дни роду литературы, к непривычной нам сейчас «синкретической» жанровой системе, не допускающей ни откровенного вымысла, ни поисков правды научными средствами. Нам необходим перевод не столько языковой, сколько жанровой — из одной литературной системы в другую. В современной литературе летописная повесть может «стать» либо историческим романом,¹ либо историко-филологическим исследованием. Мною избран второй путь.

Публикуемая ниже работа — необходимый этап на этом пути. Ее задача — проделать ту предварительную работу, без которой невозможно понять, ни о чем написана Повесть, ни почему именно так она написана, — не ответить еще на эти вопросы, а сделать то, без чего невозможно на них уверенно ответить: установить историю текста Повести о Митяе и проследить историю ее изучения.

1

Повесть о Митяе дошла до нас в разных видах в составе ряда летописных сводов под 6885 (1377—1378) г. По принципу схожести текста Повести летописи группируются следующим образом.

1. Рогожский летописец,² Симеоновская летопись,³ Троицкая летопись.⁴

¹ Знаю лишь один такой опыт: Н. Н. Алексеев-Кунгурцев. Брат на брата. Историческая повесть-хроника. СПб., 1904. Вещь слабая и наивная.

² ПСРЛ, т. XV, вып. I. Пгр., 1922, с. 124—132.

³ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 121—125.

⁴ См. выписки Н. М. Карамзина из Троицкой летописи в прим. 54—60 к т. V «Истории государства Российского» (СПб., 1892, Примечания, с. 16—18).

2. Московский свод конца XV в.;⁵ так наз. Ростовская летопись;⁶ Типографская летопись;⁷ Воскресенская летопись.⁸

3. Ермолинская летопись;⁹ Летописный свод 1497 г.¹⁰ Уваровская летопись (свод 1518 г.);¹¹ Львовская летопись.¹²

4. Сокращенный летописный свод 1493 г.¹³

5. Владимирский летописец.¹⁴

6. Никоновская летопись.¹⁵

Из Никоновской летописи Повесть перешла в список конца XVII в. Новгородской летописи — БАН, 31.4.22, л. 73.

Кроме того, Повесть о Митяе содержится в некоторых рукописях отдельно, вне летописного текста.¹⁶ Это показывает, что читателями она воспринималась как способное к самостоятельному существованию произведение. Но такие списки не дают ничего нового по сравнению с тем, что мы находим в летописях.

Как мы увидим ниже, три вида текста Повести о Митяе: двух первых групп летописей и шестой — Никоновской можно признать редакциями; остальные три представляют собой их сокращения.

Отличительной особенностью Повести в первой группе летописей (см. схему, а) является отсутствие заголовка и слитность с предшествующим ей рассказом «О Алексее митрополите»: в последнем предложении этого рассказа речь идет о покойном митрополите, Повесть же начинается фразой с местоимением: «По преставлении же е го». Может быть, поэтому отдельных списков этой редакции Повести мы не находим.

Все содержащие Повесть летописи в погодных статьях тех лет, которые охватывают ее действие (1378—1382 гг.), имеют записи о тех же событиях. Повесть, как уже сказано, помещается под 6885 г. В статье же 6887 г.

⁵ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 196—199.

⁶ Рукопись ЦГАДА, ф. 181, № 20/25, конец XVII—начало XVIII в., лл. 354—359.

⁷ ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1924, с. 137—141.

⁸ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 28—32.

⁹ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 121—124.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 79—81.

¹¹ Там же, с. 242—243.

¹² ПСРЛ, т. XX, 1-я половина. СПб., 1910, с. 199. Само по себе то, что Повесть о Митяе объединяет летописи в группы именно так, а не иначе, не удивительно: известно и родство Рогожского летописца с Симеоновской и Троицкой летописями (см., например: М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, Введение, с. 12), и зависимость так наз. Ростовской, Типографской и Воскресенской летописей от Московского свода 1479 г. («конца XV в.») (см., например: А. А. Ш а х м а т о в. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 367—371), и родство с Ермолинской летописью Свода 1497 г., Уваровской и Львовской (А. А. Ш а х м а т о в. Обзорение. . ., с. 368; А. Н. Н а с о н о в. История русского летописания XI—начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969, с. 373—374).

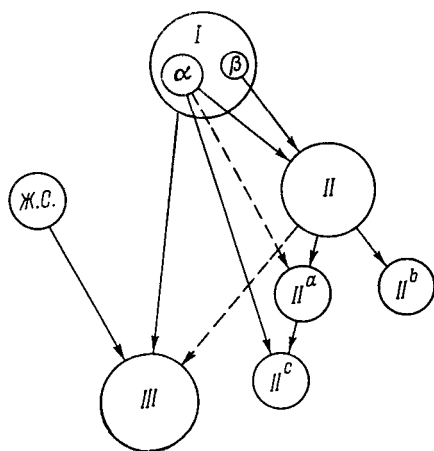
¹³ ПСРЛ, т. XXII. М.—Л., 1962, с. 249—251.

¹⁴ ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, с. 125—127.

¹⁵ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 35—41.

¹⁶ В сборниках ГБЛ, Музейное собр., № 3271, последняя четверть XV—начало XVI в., лл. 27 об.—33, и ГИМ, Хлудовское собр., № 147—Д, XVI в., лл. 449—460 об., помещена Повесть того же вида, что в группе летописей, обозначенных у нас цифрой 2. В сборнике ГБЛ, Волоколамское собр., № 572, середина XVI в., лл. 231—234 об., — вид текста Сокращенного летописного свода 1493 г. Редакция Никоновской летописи содержат следующие рукописи: 1) сборник ГПБ, собр. Погодина, № 1404-а, XVI в., лл. 702—708; 2) рукопись БАН, 34.4.32, первая четверть XVII в., лл. 654—660; Повесть заключает прибавления к Хронографу 1512 г. и Псковской летописи; 3) сборник ГПБ, СПб. ДА, № 432, XVII в., лл. 93 об.—123 об. (здесь несколько изменена композиция начала Повести).

летописей первой группы (см. схему, β) указан путь бегства в Царьград Дионисия Суздальского, в то время как Повесть о пути его бегства не говорит, и, кроме того, в статье с торжеством прокомментирована смерть

I — текст первой группы летописей: α — Повесть о Митяе, β — статья 6887 г. (Первая редакция). *II* — Повесть о Митяе второй группы летописей (Вторая редакция). *II*^a — Повесть о Митяе третьей группы летописей. *II*^b — Повесть Сокращенного летописного свода 1493 г. *III* — Повесть о Митяе Владимирского летописца. *III*^a — Повесть о Митяе Никоновской летописи (Третья редакция). Ж. С. — Житие Сергия Радонежского.

Митяя, в то время как в Повести говорится о его смерти сдержанно и без комментариев: «...внезапу Митяй разболеся в корабле и умре на мори».¹⁷ Во второй группе летописей избыточная информация погодных статей внесена в текст Повести.

Повесть
первой группы
летописей
(Рогожский летописец)

(Дионисий) побежа к Царюграду, обет свой измени, а поручника свята выдал.

И бысть по времені поиде Митяй к Царюграду на митрополию с Москвы.

Статья 6887 г.
первой группы
летописей
(Рогожский летописец)

Того же лета поиде в Царьград епископ Дионисий Суздальский в судех Волгою к Сараю.

Митяй поиде по суху к Орде, а Дионисий Влгою в судех к Сараю.

Повесть
второй группы
летописей
(Московский свод
конца XV в.)

...побеже к Царюграду из своей епископии из Новагорода Нижнего Волгою к Сараю, обет свой изменив, а поручника свята выдав.

И поиде Митяй к Царьграду в лето 887 по суху; в то же время и Дионисий поиде по Волзе к Сараю. Поиде Митяй с Москвы.

¹⁷ В сокращенном, по сравнению с летописями первой группы, виде находится известие об отправлении Митяя и Дионисия в Царьград в статье 6887 г. Западнорусской летописи по Супрасльскому списку: «В лето 6887 поиде на митрополию Михайлогугмен в Царьград, намесник митрополича», и «Того же лета поиде во Царьград священный епископ Деонисий Суздальской в судех Волгою ко Сараю» (ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стлб. 40—41). Комментария к смерти Митяя здесь нет. Нет также и самой Повести о Митяе. Очевидно, это результат сокращения источника, каковым был летописец, близкий к летописям первой группы.

Статья 6887 г.
первой группы летописей
(Рогожский летописец)

Се же преславно явление показа бог неизреченными его судбами, глаголетъ бо апостол: «Никто же о себе честь возмет, но званый от бога». Сего же епископи вси, и игумени, и прозвутери, и мниси, и священници все не хотяху, но един князь великий хотяше. Он же на то надеяшеса на княжескую любовь, не въспомяну пророка, глаголюща: «Добро есть надеяться на бога, нежели надеяться на князь». Есть же инако разумети, но глаголати не мощно противу судбам божим, многожды бо наводит бог на ны скорби и предает ны в руже немилостивым пастухом и суровым за грехы наша, но «не до конца прогневаютсяъ господь, ни в веки враждует, ни по грехам нашим воздал нам», рече бо: «Просите и дастся вам» — и пакы рече: «Призови мя и услышу тя, просите и примете». Все же епископи и прозвутери и священници того просиша и бога о том молиша, дабы не попустил Митяю в митрополитех быти, еже и бысть, и услыша бог скорбь людей своих, не изволи быти ему пастуху и митрополиту на Руси.

Повесть второй группы
летописей
(Московский свод конца XV в.)

Се же преславно явление показа бог неизреченными его судбами, яко же апостол глаголетъ: «Никто же вземлетъ честь о себе, но званый от бога». Сего бо предреченного Митяя не хотя же никто же в митрополи; епископи же и игумени, прозвутери и весь чин священнический, и мниси, — вси моляху о том бога, да бы не попустил Митяю в митрополитех быти, но един князь великий хотяше его видети в том чину. Тои же уповаше на любовь княжескую, о ином же ни о ком не брешаше, аще бо и книги добре сведяше, но не въспомяну пророка, глаголюща: «Добро есть уповати на господа, нежели уповати на князь». И пакы глаголетъ: «Не надейтесь на князя, на сыны челоувечьскы, в них же несть спасения». Есть бо инако разумети, но глаголати не мощно противу судбам божим, многожды бо наводит бог на нас скорби и предает в руже немилостивым и суровейшим пастухом за грехи наша, но не до конца прогневаются. Тако же и сему не попусти, ни изволи быти пастырю и митрополиту на Руси.¹⁸

Трудно представить себе обратное, — что сообщение о пути бегства Дионисия и этот комментарий в летописи не дополнили со временем Повесть, а были изъяты из нее так, что не оставили в ней следов, и перенесены в погодную статью. В статье же 6887 г. второй группы летописей вместо рассказа о событиях и комментария к ним мы обнаруживаем своего рода отсылку читателя к тому месту, куда редактор перенес отсюда материал: «Поиде Митяй в Царьгород на митрополью, тако же и Деонисей епископ Суздальскы, о них же прежде написаном в лето 85».

В числе отличий редакции второй группы летописей от редакции первой группы есть два сообщения о том, что княжеские грамоты были не только снабжены княжеской печатью, но и подписаны: «. . . не написану, а подписану и запечатану», «. . . имущу подпись и печать великого князя». Однако известно, что ни Дмитрий Донской, ни другие

¹⁸ Факт этого переноса ускользнул от внимания А. Н. Насонова, вследствие чего он счел этот период вставкой третьей четверти XV в. в гипотетический общий источник Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи (см.: А. Н. Насонов. 1) Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — Проблемы источниковедения, М., IX, 1961, с. 361; 2) История русского летописания XI—начала XVIII века, М., 1969, с. 274). Если бы А. Н. Насонов искал этот текст не в Повести о Митяе под 6885 г., а в статье 6887 г., то он нашел бы его и в Рогожском летописце, и в Симеоновской летописи, и в реконструированной (в данном случае по Симеоновской) Троицкой (см.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 417). Попутно укажу и на другие замеченные мной погрешности в аргументах А. Н. Насонова. Так, в ряду «известий моск. свода 1479 г., которых нет в известных нам первоисточниках этого свода и которые есть в Ермолинской летописи, Львовской и Софийской II», он называет известие 6906 г. о поездке Софьи Витовтовны в Смоленск и известие 6916 г. о приезде на Русь князя Свидригайла (А. Н. Насонов. 1) Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник, с. 362; 2) История русского летописания. . . , с. 274). Но оба эти известия есть в выписках Н. М. Карамзина из Троицкой (в прим. 175 и 200 к т. V «Истории государства Российского») и включены М. Д. Приселковым в реконструкцию Троицкой (см.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 449 и 467). Лишь второе известие здесь изложено короче.

князя его времени, ни их ближайшие потомки грамот не подписывали. В XV в., начиная с первой четверти, на княжеских документах появляются лишь подписи духовных лиц, митрополитов.¹⁹ Следом за ними, спустя примерно 100 лет, начинают подписывать свои грамоты сами князья. Древнейшая подписанная князем грамота датирована 1521 г.²⁰

В Повести о Митяе первой группы летописей таким образом передается просьба Митяя к князю: «... да ми даси хоратию ненаписану, а за печать твою печатью князя великаго». И точно так же говорится об удовлетворении этой просьбы: «И дал князь великий таковую харатию не едину и печать свою си приложи».²¹ Эта версия, конечно, древней.

Поскольку в первую группу летописей входит Троицкая, ясно, что этот вид Повести существовал по крайней мере в 1408 г.

Редакция второй группы летописей возникла не позже (но, судя по добавкам про подписи на грамотах, и не раньше) конца XV в., так как она содержится в Московском своде конца XV в.

Редакция Повести Никоновской летописи является сводной: основную связь она обнаруживает с текстом Повести первой группы летописей, но некоторые особенности роднят ее и с текстом второй группы; кроме того, как мы увидим, в этой редакции использовано Житие Сергия Радонежского.²²

Очевидно, редакцию Повести, содержащуюся в Рогожском летописце, Симеоновской и Троицкой летописях, следует назвать как I, вид текста Московского свода конца XV в., так наз. Ростовской, Типографской и Воскресенской летописей — II, а редакцию Никоновской летописи — III.

Свод 1493 г. дает сильное сокращение редакции II (см. схему, II^b).²³ Ермолинская, Свод 1497 г., Уваровская и Львовская летописи — особое сокращение той же редакции, возможно с незначительной правкой по I (см. схему, II^a; подробнее об этом ниже), а Владимирский летописец — сокращение Повести Ермолинской летописи и др., т. е. сокращение сокращения, инкрустированное вставками, иногда сравнительно пространными, из редакции I (см. схему, II^c; об этом дальше тоже [будет сказано подробнее]).

2

Редактор, результатом работы которого явилась в XV в. вторая редакция, бережно относясь ко всей основной информации Повести и даже пополнив ее за счет статьи 6887 г., несколько обработал текст, сократив длины, убрав повторения, кое-что обобщив, сделав язык Повести более простым и ясным. Вот несколько примеров его правки.

¹⁹ Первая среди них по времени — подпись митрополита Фотия под грамотой великого князя Василия Дмитриевича 1423 г., см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 22, с. 62; см. также №№ 24, 56, 58, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 79 и т. д.

²⁰ См.: там же, № 99, с. 414.

²¹ Дав Митяю чистые грамоты с печатями, великий князь Дмитрий Иванович поступил аналогично византийскому императору XIII в. Михаилу VIII Палеологу, который выдал своему полководцу, отправлявшемуся в Морю, «чистые бланки грамот, скрепленных золотой печатью (*χαρτία ἄγραφα ἐβούλωσεν με τὸ χρυσοῦσλλον του*), чтобы в случае необходимости он мог жаловать пронии и привилегии. . . , заполняя эти грамоты так, как он сочтет нужным» (И. П. М е д в е д е в. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 53).

²² Это объясняется уже отмеченной в науке зависимостью его от Московского свода 1479 г. («конца XV в.»), см.: Б. М. К л о с с. О времени создания русского хронографа. — ТОДРЛ; т. XXVI, Л., 1971, с. 248, прим. 27.

Р е д а к ц и я I

... но и печатник, ю же на себе ношаше печать князя великаго.

... с собою в Царьград и имам ю приготовану таковую хоратию на запас.

... а Ивана оставиша поругана и отринуша и. Иван же виде себе тако небрегома от них и отъриновена и рече к ним.

... на превысокий степень старейшинства, на двор митрополичъ възде и ту живяше, пребываше с всякою областию, елико довлеет и достоин митрополиту владети, то тем всем владяше Митяй.

Они же отътоле искаху подобна времени и съвет сотвориша на Ивана, яко да умут его. И пришедше възложиша руже на Ивана, и яша его, посадиша его в железа. Ивана Петровского архимандрита, московского киновиарха, начальника общему житию! Сковаша нозе его в железа, смириша в оковах нозе его, понеже не единомудрствует с Цименом.

... и раздаваша и сюду и сюду, тем едва утолиша всех.

... в самый праздник възнесения господня, и многу звонению бывшу во вся колоколы, и многу народу спедшуся на сретение его, яко весь град подвижеся.

Тогда сняша с него клобук белый с главы его и разведоша около его дружину его и клиросници его, отъяша от него и ризницу его и приставиша приставника к нему, некоего боярина Ивана.

Р е д а к ц и я II

... еще же и печатник.

... с собою на запас.

... а Ивана оставиша. Иван же рече.

... на превысокий степень възде и творяше все, еже достоин митрополиту.

Они же съвет сътвориша, яша его, и железа възложиша на нь, не единомудрствоваше бо с ними по Пимене.

... и раздаваша много на все стороны.

... на праздник възнесения, и сrete его весь народ града Москвы.

... и ту разведоша от него вся сущая люди, бывшаа с ним, и сняша с него клобук белый, и весь сан митрополический отъяша от него, и приставиша к нему Ивана.

Редактор, как можно заметить, часто прибегает к удобному слову «все»: «... творяще в с е, еже достоин митрополиту», «... раздаваша... на в с е стороны», «... съгласившеся в с и в едину думу», «... в с я сущая люди, бывшаа с ним», «... в с ь сан митрополический».

Иногда, правда реже, редактор не сокращал, а расширял текст:

Р е д а к ц и я I

... прежереченаго Митяя на митрополию.

... или отъкуду бе сий Митяй.

... и тшашеся и наряжашеся ити к Царьгороду.

... не истинствуете ходяще.

Р е д а к ц и я II

... прежереченаго Митяя по своем животе на митрополию.

... и откуду бе и что ради дръзновение таково и власть имаше.

... и пристраяеть себе вся сущая, к путному шествию потребнаа к Царьгороду.

... не истинствуете ходяще, но с лжею глаголете и ходите.

Эти распространения (есть еще несколько подобных случаев) не изменяют смысл рассказа, но делают его более рассудочно-точным. (Здесь опять встречается оборот с «вся»: «... вся сущая, к путному шествию потребнаа»).

Прояснено во второй редакции и место, где говорится об остановке Митяева корабля. Согласно первой редакции: «... неци и... поведаша», согласно второй: «Поведаху же тогда тамо бывшей на корабли том и глаголаху: егда разболеся Митяй, тогда корабль той». Уточнено, как видим, и время события.

В ряде случаев редакция II слегка отступает от смысла исходной версии.

1) Согласно редакции I, Митяй стал «воружатися на мнихы и на игумены», согласно II — «на игумены, и на с в я щ е н н и к и, и на черноризы», т. е. можно понять, что — и на белое духовенство.

2) Из редакции I следует, что Митяй «въсхоте поставитися в епископы на Руси» еще до того, как задумал идти в Царьград («. .но еще дотоле, преже даже не иде к Царьграду»); по II — он сначала собрался в Царьград, а затем отложил путешествие («. .но того лета не поиде»), решив прежде «поставитися на Руси в епископы сущими епископы в Русской земли».

3) По редакции I можно понять, что Митяй непосредственно разговаривал с Дионисием, по II — через посла («. .и посла к нему, рек»).

4) Из двух условий редакции I, при которых князь Дмитрий Иванович позволял Дионисию Суздальскому идти в Константинополь («без моего слова» не идти и «ждати до году Митяевы митрополии»), редакция II оставляет только второе.

5) По редакции I князь Дмитрий Иванович дал Митяю харатью «не едину». В результате исчезновения этих слов в редакции II получается, что князь дал только одну грамоту («. .и дасть ему такую харатию»), хотя ниже все равно оказывается, что у Митяя чистых княжеских грамот было несколько.

6) Согласно редакции II, «съгласишася в с и в едину думу и яшася за Пимена». В результате сокращения и обобщения исчезло важное сведение редакции I, что за Пимена «яшася» б о я р е. Дальше в редакции II убрано место, где говорится, что послы-заговорщики вынуждены были искать «подобна времени» для ареста архимандрита Ивана Петровского (еще одно свидетельство о расколе среди послов?).

Наиболее существенным из того нового, что дает редакция II, является, во-первых, указание места, откуда бежал Дионисий Суздальский («. .из своей епископии, из Новгорода Нижнего»), и, во-вторых, указание места рождения Митяя («бысть убо сей Митяй родом коломнятин»). Но вряд ли редактор пользовался каким-то неизвестным нам источником: откуда бежал Дионисий, он мог домыслить (даже бессознательно, невольно), зная, что Нижний Новгород был престольным градом Дионисия и что бежал он Волгой, а о месте рождения Митяя — зная место, откуда тот попал в Москву («. .саном бѣаше поп, един от коломенских поп»).

Суммируя впечатления, производимые редакторскими сокращениями, поправками и дополнениями, можно сказать, что иного источника, кроме Повести редакции I и погодных статей летописи, редактор не имел. Его работа свелась к некоторому сокращению и переработке старого текста. Им руководило главным образом стремление к четкости и ясности. Там, где ему казалось, что повествование загромождают маловажные конкретные подробности, излишние детали, перечисления, он их убирал или обобщал; там, где можно было пополнить рассказ данными погодной статьи, он его пополнял; там, где можно было что-то прояснить на основе здравого смысла, он прояснял. Кроме того, редактор четко обозначил начало и конец повествования. Редакция II снабжена заглавием «О Митяе архимандрите», в первой ее фразе митрополит Алексей назван по имени и приведена вся его титулатура. Вместо неторопливой и несколько загадочной концовки редакции I: «Господня есть земля и конци ея. До сде скратим слово и скончаем беседу и о всех благодарим бога, яко тому слава в веки. Аминь» — в II концовка деловито-лапидарная: «Сия же до зде. И пакы глаголем бывшее».

В общем редакция II суше, безличней и поверхностней, чем редакция I. Благодаря включению в текст Повести комментария к известию о смерти Митяя скрытая пружина действия (конфликт князя и церкви) оказалась как бы выставленной наружу.

3

Мы уже говорили, что в Ермолинской, Уваровской, Львовской²³ летописях и в Своде 1497 г. Повесть представляет собой сокращение редакции II (II^a). Об этом свидетельствуют 23 случая близости ее оборотов и выражений к оборотам и выражениям редакции II, не находимым в редакции I. Например, здесь сказано: «Митяй же большее оправдание оттого въсприйт и нача устремлятися к путешестввию»; в редакции II: «Митяй же большее себе оправдание прият... и егда уже к путному шестввию Митяй устремляшеся»; в редакции I нет слов «прият», «путное шествие», «устремляшеся». Другие примеры:

Редакция I	Редакция II	Повесть Ермолинской летописи
... а с ним вкупе поидоша.	... с ним же поидоша.	... с ним же поидоша.
... мусолинский.	... с Мусолина.	... с Мусолина.
... немного удержан	... немного дръжав... немного подръжав... .
быв... отпущен быть.	отпусти.	жав... пусти.
Въскую сице.	Что сице.	Что сице.
И минувшу же седмому месяцу.	По седми же месяцах.	По седми же месяцах.
... разведоша около его дружину его, и думци, и клиросници.	... разведоша от него вся сущая люди, бывшая с ним.	... и разведоша от него сущих с ним.

В редакции I Митяя вложили «в варку, еже есть в меньшее судно»; создатель редакции II, сокращая, выпустил пояснение греческого слова «варка», так что уже в Парижском списке Воскресенской летописи оно трансформировалось в «раку». В Повести Ермолинской и связанной с ней группы летописей Митяя тоже кладут в раку, а не в варку. Примеры эти можно умножить, как сказано, до 23.

Но есть в Ермолинской и других летописях третьей группы 5 мест, близких не к редакции II, а к I:

Повесть редакции I и Ермолинской летописи	Редакция II
доброгласен	красен
Книгами говорити	от книг сказати
достойт	подобает
видоша	всодоша
плаваху семо и овамо	миноваху сюду и овуду

Либо создатель «Ермолинского» вида Повести имел перед глазами обе редакции, и, взяв за основу II, как более насыщенную фактической информацией при более кратком и деловитом изложении, в некоторых случаях предпочел выражения I, либо он располагал каким-то более первоначальным текстом редакции II, чем тот, которым располагаем мы. Это наблюдение говорит как будто в пользу гипотезы А. Н. Насонова

²³ В Львовской летописи сохранился только конец Повести.

о существовании общего источника Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи (однако в ходе нашего исследования обнаружилось и факты, ей противоречащие).²⁴ В Ермолинской летописи изменилось, упростилось начало Повести, обнажилась инициатива князя в возвышении Митяя («. . . князь великий Дмитрей в о з в е д е»), исчезли многие подробности рассказа, слились воедино некоторые сцены. Повесть стала значительно короче.

В основу Повести о Митяе Владимирского летописца (II^о), как уже сказано, положен текст Ермолинской летописи. Это — неожиданно, по-скольку Владимирский летописец, согласно существующим в науке представлениям, являет собой сокращение свода, составленного, во-первых, из источника, очень близкого по характеру к Троицкой летописи, и, во-вторых, из новгородской летописи типа Новгородской IV.²⁵ Оказывается, что Владимирский летописец родствен также и Ермолинской летописи. Как и в Ермолинской летописи, в нем изменена композиция начала Повести (вперед вынесена характеристика Митяя). Приведу несколько примеров, обнаруживающих близость Повести Владимирского летописца к версии именно Ермолинской летописи:

Московский свод
1479 г.

По преставлении иже в святых отца нашего Алексея митрополита всея Руси възведе на степень его некоторый архимандрит, именем Михаил, нарицаемый Митяй.

. . . дондеже състаресе старецъ Иоан, нарицаемый Непейца, архимандрит спаский, иже остави архимандритию в старости глубоце и сниде в келию молчания ради. И тогда възыскание бысть, кому быти.

—

Ермолинский
летописец

По преставлении же сего преосвященного митрополита князь великий Дмитрей възведе на степень спасьскаго архимандрита Митяя.

По сем же архимандрит спасьски Иван Непейца быв в старости глубоце и сниде в келью. И тогда князь великий повеле себе Митяя пострижи.

Он же, шед в Новгород Нижний, ни мала помедлив, поиде Волгою в судех к Сарая, хотя ити в Царьгород.

Владимирский
летописец

По преставлении святого митрополита Алексея князь великий Дмитрий Иванович възведе на степень спасьскаго архимандрита Митяя.

А у Спаса преже архимандрит был Иван Непейца, в старости глубоце сниде в келью. И тогда князь великий Дмитрий Иванович повеле сего Митяя постричь.

Дионисий же ни мало не медля, иде в Нижний Новгород, а оттоле иде Волгою в судех в Сарая, хотя к Царьград.

Содержавшаяся в Троицкой летописи редакция I Повести оказалась лишь вспомогательной для Повести Владимирского летописца: ей версия Владимирского летописца обязана только отдельными словами, фразами и небольшими периодами,²⁶ вторгающимися в текст, в целом восходящий

²⁴ См. выше, прим. 18.

²⁵ М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — ИЗ, т. 13 (1942 г.), с. 261; Л. Л. Муравьева. Новгородские известия Владимирского летописца. — Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968, с. 37—40.

²⁶ На основании редакции I написано следующее: 1) период от слов «И во един от дний беседует Митяй» до слов «. . .умышление его безделно есть» (ПСРЛ, т. XXX, с. 126); 2) период от слов «Деонисий преухитри великого князя» до слов «. . .уже ему не ити в Царьград» (там же); 3) слова — «умышление и негодование», «И дасть

к версии Ермолинской летописи. Отметим также, что Повесть во Владимирском летописце «разорвана» статьями 6885 и 6886 гг. пополам.

Как видим, усиливающейся от свода к своду тенденцией обработок Повести является стремление сократить ее текст, сохранив основную информацию. Сначала (в редакции II) Повесть делается строже, логичней, нравоучительней, затем (в Ермолинской и родственных ей летописях, в Сокращенном своде 1493 г., во Владимирском летописце) становится все суше и суше, приближаясь постепенно по стилю к погодным статьям. Во Владимирском летописце и Тверском летописном сборнике, составленном в 1534 г., Повесть перестала быть единым произведением; будучи сильно сокращена, она растворилась в погодных летописных статьях.

В основу изложения о Митяе Тверского сборника (статьи 6885 и 6887 гг.) положена, как показывает сличение текстов, редакция I.

Редакция I	Редакция II	Тверской сборник
... на его место и на его степень.	... на степень его.	... на его место.
... и перемонатку митрополичю и печать и посох митрополичь.	... и перемонатку митрополичю и посох.	... и печать митрополичю.
Бе бо преже князь великий.	Прежде бо сего великий князь.	Бе бо князь великий Дмитрий прьвее сего.
Намаканон.	—	... в Намаканоне.
Неции же от младоумных.	Неции же от малоумных.	... неции от младых.
Не подобаше ти.	Что ради.	Не подобаше ли ти.
... пожди егда прииду.	... но егда прииду.	Потрьпи, прииду.
... таковую харатию не едины.	... такую харатию.	... не едину харатию.
... в корабли.	—	... в корабли.

Это говорит о неизвестной до сих пор зависимости Тверского сборника от летописи типа Троицкой. К редакции II Повести могут восходить в Тверском сборнике только слова «Вългою к Сараяу». Но вероятней, что они тоже взяты из летописи типа Троицкой (в статье 6887 г.).

4

Редакция Повести о Митяе в Никоновской летописи — результат противоположной тенденции: стремления пополнить, распространить текст. Редакция III почти в два раза больше первой.

ему князь великий такову хоратию за своей печатью», «И перевезеса Оку реку месьца июля 26 день» (там же), «Олепенский», «... отпущен бысть. И прииде к Кафинскому морю и вниде в корабль и преплы пучину морскую» (там же, с. 127); 4) период от слов «... овии хотя поставити митрополитом Ивана» до слов «... имущу печать великого князя» (там же, с. 127); 5) слова «... того единого избрал на Русь», «... царю и патриарху, а отвещоста Русь», «о Пимене», «утолиша», «Аще Русь право глаголють или не право, но мы истинствуем. И тако постави Нил патриарх», «Кириан митрополит ис Киева», «... князь великий Дмитрий Ивановичь прият его с великою честью», «на Русь», «думцов», «чин» (там же, с. 127). В остальном текст основывается на версии Ермолинской летописи, свода 1497 г., Уваровской и Львовской летописей, хотя следует ей не во всем, имеет собственные слова и обороты, например, «смоленских» (вм. «коломенских»), «велими горд», «и паметлив и доумен», «и многоразумен», «И по сих восхоте поставитися епископом без митрополита на Русь», «И о сем возненавиде Митяй Деонисия», «исправление» (вм. «оправдание»), «... напишет на той харатье еже что занял» (там же, с. 126), «коломенский» (зм. «московский»), «игумен» (вм. «дьякон»; там же, с. 127).

В распоряжении создателя редакции III были обе первые редакции Повести о Митяе. В этом убеждает как сравнение текстов, так и история летописания, т. е. известный факт использования составителем Никоновской летописного текста, близкого к Троицкой летописи, и Московского свода конца XV в.²⁷ Положив в основу своей работы редакцию I, в отдельных случаях этот редактор предпочел выражения редакции II. Вот несколько примеров:

Редакция I	Редакция II	Редакция III
Бе бо преже. ... в пругло дяволе впадет. ... покинул архимандритию.	Преже бо сего. ... в сеть впадет дяволу. ... оставль архимандритию. ... поведе тако сему быти. ... и егда уже к путному шествию Митяй устремляшеся.	Преже же сего. ... впадет и в сеть дяволу. ... остави архимандритию. ... восхоте тако быти. Он же нача уготавлитися к путному шествию.
—		
—		

Какую же работу, помимо включения некоторых выражений из редакции II, проделал создатель редакции III над I? Вопрос этот важен, ибо в Никоновской летописи содержится ряд новых сведений и подробностей. В какой степени им можно верить?

Сравнивая тексты, мы видим, что почти каждая фраза и сообщение редакции I в III расширены, дополнены, прокомментированы:

Редакция I	Редакция III
... на его место. ... в сан митрополичь и возложи на ся белый клобук и монатию со источники и ськржалми.	... на его место святительское. ... и весь сан митрополичь и възложи на себя белый клобук митрополичь и манатию митрополичь со источники и со ськржалми.
... яко же и апостол глаголеть: «Подобае епископу непорочну быти и не новоуку, да не, развеличався, в пругло дяволе впадет». Князь же великий много.	... и сия апостол утвержаа глаголеть, к иным добродетелем и сие прирече: И ненауку, да не, разгордевся, во осуждение впадет и в сеть дяволу; и пакы той же апостол глаголеть: сии убо да искушаются преже, потом же да служат, непорочни суще; Митяю же архимандриту еще новоуку суцу во иночестве и обучастися благими делы и нравы; и сие аще восхоцет бог и сотворит о нем, аз же недоволен есмь на сие. Князь же великий много.
... а инии мнози корабли плаваху мимо его, минующе семо и овамо. И вложиша Митяя в варку.	... а инии мнози корабли плаваху мимо его семо и овамо, и един той люте томим, аки Ионы ради. Егда же тогда Иона в корабли, море волняшеся и корабль потопляшеся; егда же Иону в море ввергоша, и море преста от вълнения, и корабль свободися от потопления; сие же и ныне: егда Митяй бе в корабле, море не даше поступати кораблю, егда же Митяя выняша из корабля, и корабль свободися и хожаше, амо же хотяше. И вложиша Митяя в варку.

Простое перечисление редакции I — «... и перемонатку митрополичь, и печать, и посох митрополичь» — в Никоновской приобретает такой вид:

²⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, с. 117.

«... и крест злат с парамандою с златом и бисером усаженною митрополичу, и посох злат митрополичь, и печать митрополичю на себе возложи, и прочее». В числе источников у создателя Никоновской летописи было Житие Сергия Радонежского; ср. там: «... повеле митрополит изнести крест с парамандом, златом же и камением многоценным украшен».²⁸ В Житии Сергия об украшении креста важно было сказать потому, что Сергей откажется его принять, мотивируя это тем, что он никогда не был «златоносцем». В Никоновской же летописи «золото» служит лишь литературному вкусу редактора.]

Есть и другие примеры подобного «нагнетания блеска» в редакции III. Так, к словам редакции I «раздаваша сюду и сюду» в III добавлено: «... а яже поминков и даров, никто не может рещи или изчислити». О прибытии Киприана в Москву и в редакции I сказано как о событии важном и торжественном: «... и многу звонению бывшу во вся колоколы, и многу народу спедшуся на сретение его, яко весь град подвижеся. Князь же великий Дмитрий Иванович прия его с великою честью и со многою верою и любовию». В летописной статье 6889 г. добавлено: «И бысть в тѣй день у князя у великого пир велик на митрополита, и радовахуся светло». В редакции III тот же сюжет разворачивается перед нами сложной и пестрой картиной: «И начаша звонити во вся колоколы, и снисходящая людие, и стечеса народ мног, и отсюду приидоша архимандриты, и игумены, и священници, и иноци, и многу звонению бывшу, и подвижеся весь град, с женами и з детми и со младенцы и сосущими млеко изыдоша во сретение далече из града. И князь великий сам сrete его далече от града з детми своими и со всеми бояры с великою честью, и со многою любовию, и с верою, и смирением. И возвратишася во град, и внидоша во церковь, и знаменася Киприан-митрополит по иконам, и певше молебен, и духовной любви насладишася; и бысть торжество в той день великому князю с митрополитом, и возрадовашеся и возвеселишася в радости и в веселии мнозе, и милостыню странным и нищим многу сотвориша, и Христа-бога прославиша, ему же слава во веки веком аминь». В редакции I значителен сам факт прибытия Киприана «в свою митрополию»; кстати, эти важные слова исчезают в редакции III; здесь делается самоценным описание торжества, фасад события, а не его смысл.

Во вкусе этого редактора конкретизация и усугубление всех упоминаемых в Повести насилий. Если в редакции I человека «посадиша в железа», то в III — «посадиша его в вериги железны и гладом нудяше его, и возхотеша его ввергнути в море». В редакции I спутников Пимена «разведоша около его»; в III — князь повелед их «развести и в вериги железныа посажати». Согласно редакции I, Митяй «нача воружатися на мнихи и на игумены»; согласно III, Митяй «нача вооружатися на священники, и на иноки, и на игумены, и на архимандриты, и на епископы, и осуждаше, и продаваше многих, и възстааше со властью, не обинуяся никого же... многих бо и в веригы железныа сажаше, и наказываше, и смиряше их со властью, и никто же можаше рещи противу его». Слова недовольных Митяем епископов и пресвитеров «воля господня да будет», с которыми в I и II редакциях корреспондирует неожиданность смерти Митяя, в III редакции отсутствуют.

Подробней, ярче и наивней стала характеристика Митяя: «Возрастом же велик зело и широк, высок и напруг, плечи велики и толсты, брада плоска и долга, и лицом красен, рожаен, и саном превзыде всех человек; речь

²⁸ Житие преп. Сергия-чудотворца. Сообщил арх. Леонид. ПДП, вып. LVIII, СПб., 1885, с. 130 (далее: Житие Сергия).

легка, и чиста, и громогласна, глас же бе его красен зело, изнасящ словеса и речи сладостны зело; грамоте добре горазд, течение велие имея по книгам, и силу книжную толкуа, и чтение сладко и премудро, и книгами глаголати премудр зело, и никто же обреташеся таков, и пети нарочит, и в делах, и в судех, и в рассуждениях изящен и премудр, и слово и речь чисту и незакосневающу имея, и память велию, и древними повестями, и книгами, и притчами — и духовными и житийскими — никто же таков обреташеся глаголати». Сообщение редакции I «и пребысть в таковом чину и устроении многа лета» в III расширяется следующим образом: «. . . славу и честь имея велию паче всех, и по вся дни ризами драгими изменяшеся и сияше в одеяниях драгих, яко же некое удивление, никто же бо таковаа одеяния ношаше и никто же тако изменяшеся по вся дни ризами драгими и светлыми, яко же той поп Митяй; и вси чествоваху его, яко же некоего царя. И что прочее глаголати? Никто же в таковой чести и славе бысть, яко же он, понеже и отець бысть великому князю, и властвоваше, яко же хотяше, и много лет бысть в таковом житии и устроении, и любляху его вси». Как видим, тут появляются и честь, и слава, и сияние, и неограниченная власть, и сменяющиеся каждый день «ризы драгие», «одеяния драгие», «ризы драгие и светлые», и уподобление «некоему царю», и всеобщая любовь.

Изменило смысл замечание по поводу головокружительной карьеры Митяя:

Редакция I

И ту бяше видети дива плъно: иже до обеда белець сый, а по обеде архимандрит; иже до обеда белець сый и мирянин, по обеде мнихом начальник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вожь, и пастух.

Редакция III

И сице до обеда бысть поп мирской, та же инок, а по обеде архимандрит; иже до обеда прииде поп мирской и пострижесе во иноческий чин, а по обеде начальник, и пастыр, и учитель.

Насмешливое удивление («дива плъно»), параллель с попом-царем Иоанном Сказания об Индийском царстве («до обеда поп, а по обеде царь») ²⁹ исчезли; получилось буквально, что до обеда Митяя постригли в монахи, а после обеда поставили в архимандриты.

Редактор этот не только расцветивает и «доделывает» каждое сообщение редакции I, часто основываясь на «логике вещей», он домысливает происходящее в Повести и насыщает ее новыми образами, объяснениями и целыми эпизодами. Так, в редакции I сказано: «. . . и отроци предстояху ему»; в III дополнено: «. . . и егда где двигяшеся, сии вси, рищуце, предтицаху ему». Яркая картинка! Редактор ввел целый отдельный эпизод уговоров Митяя с прямой речью князя, произносимой «с умилением и смирением». Также в целое действо разросся диалог Митяя с Дионисием Суздальским. В редакции I просто говорится: Митяй «рек», «Дионисий же рече». В редакции II лишь намечается драматизация: Митяй «посла к нему, рек». В III — Митяй «смутился и возколебася», затем «посла к Дионисию, епископу суждальскому, глаголя», «Дионисий же, епископ Суждальский, въстав, иде к нему и, пришед, рече ему: „Присылал еси ко мне, глаголя“; услышав же сия князь велики Дмитрие Ивановичь и негодова на Дионисиа-епископа».

Редактор берется объяснять действия персонажей: Дионисий «возхоте

²⁹ Наблюдение В. Л. Комаровича см.: История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1945, с. 226—227.

ити ко Царюграду, желаше бо и сам на митрополском столе себя видети». Понятно, на чем основана эта добавка: из летописи редактор мог узнать, что несколькими годами позже Дионисий действительно был поставлен в Константинополе в митрополиты. Но к тому времени изменилась вся «конфликтная ситуация»; так что редакторское объяснение бегства Дионисия не может быть принято как безусловно достоверное.

Сдержанное сообщение редакции I о том, что за Дионисия поручился перед князем Сергий Радонежский, редактор Никоновской летописи, опираясь на Житие Сергия,³⁰ разворачивает в целую картину взаимоотношения Митяя, Дионисия и Сергия: «Митяю же не вверяшеса Дионисий, епископ суждальский, сице же и преподобный игумен Сергий Радонежский; мяше бо Митяй на Сергия, яко советоваше он Алексею-митрополиту не благословити Митяя по себе на митрополию русскую; ныне же мяше Митяй, яко съединилися единомысленно преподобный игумен Сергий Радонежский с Дионисием, епископом суждальским, и не хотят поставления его в митрополиты. И тако негодоваше на них обоих Митяй зело и вооружашеся. Преподобный же игумен Сергий рече: „Молю господа бога сокрушенным сердцем, да не попустит Митяю хвлящюся разорити место сие святое и изгнати нас без вины“».

Казалось бы, благодаря этой вставке-пересказу кусочка Жития Сергия, а также сравнению задержки в море Митяева корабля с библейским чудом с Иной смерть Митяя получает, хотя и несколько иное, чем в прежних редакциях, но мистическое объяснение. Однако здесь же смерти Митяя дано объяснение совершенно иного характера: «Инии глаголаху о Митяи, яко задушиша его, инии же глаголаху, яко морскою водою умориша его». Приведено и обоснование новому объяснению. Это — любопытным образом измененная фраза из комментария к смерти Митяя летописной статьи 6887 г.: «... понеже и епископи вси, и архимандриты, и священници, и иноци, и вси бояре и людие не хотяху Митяя видети в митрополитех, но един князь велики хотяше». В соответствующей фразе комментария не говорится о светских людях и иное сказуемое: не «не хотяху Митяя видети», а «моляху о том бога, да бы не попустил», — т. е. воле князя в редакции III противостоит не молитва церкви, как в I, а нежелание подданных, из которого проистекает убийство.

Редактор не заметил возникшего благодаря его добавкам противоречия: то Митяя «любляху... вси», то вдруг «вси» его «не хотяху».

Примечательно, что этот редактор, вообще склонный к сведению источников и распространением, не счел нужным вставить в свой текст Повести весь комментарий к смерти Митяя (как это сделал автор редакции II) целиком, с цитатой пророка: «Добро есть уповати на господа, нежели уповати на князя»³¹ (в редакции II, кстати, эта цитата подкреплена еще одной: «Не надейтесь на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения»);³² т. е. редактор Никоновской летописи явно старался убрать из Повести о Митяе противопоставление князя и церкви.

Так коренным образом изменилась в Повести вся трактовка истории Митяя: конфликт князя и церкви, в котором неправ князь, сменился конфликтом князя и его подданных (в том числе и церкви), на которых падает подозрение в убийстве. Бог в этой редакции на стороне князя.

³⁰ Житие Сергия, с. 132.

³¹ Псалом 117, 8—9.

³² Псалом 145, 3.

Характерна добавка к речи одного из второстепенных персонажей: «... сотворили неправду перед богом и перед великим князем».³³

Отмеченное изменение идеологической направленности Повести о Митяе хорошо объясняется тем, что возникновением Никоновской летописи мы обязаны правительственной инициативе.³⁴

Оценивая редакцию III Повести в целом, надо сказать, что наряду с новой идеологической направленностью от предшествующих редакций ее отличает и новая литературная манера. Редактор-рассказчик научился видеть гораздо более «поверхностно», «наружно»; он хочет не столько назвать события, сколько показать, как они протекали, — то, о чем не считал нужным говорить автор XIV в. Редактор начитан, в поисках необходимого материала он обращался к источникам, так что многое из добавленного им или верно, или правдоподобно. Но, естественно, материала источников не хватало, и, чтобы его создание могло удовлетворить новым вкусам, редактор вынужден был его домысливать. Новых деталей оказалось такое количество, что вся Повесть резко изменила характер. Ее новый облик относится к первоначальному примерно так же, как собор Василия Блаженного к Троицкому собору Сергиевой лавры.

Редактор Никоновской летописи пересказывает историю Митяя как современную ему историю XVI в. Вольно или неволью, он уводит нас от событий и интересующего нас литературного произведения XIV в.

5

Первым опыт классификации редакций Повести о Митяе сделал Е. Голубинский. Но у него об их соотношении сложилось фантастическое представление: «... летописи... — пишет он, — предлагают нарочитые о нем (Митяе, — Г. П.) повести: две повести о Михаиле в Никоновской летописи под 1378 г. (вторая начинается: «Подобает ведати, кто есть сей»). В Воскресенской летописи и так называемой Типографской повести соединены в одну и в некоторых местах представляют свою редакцию».³⁵ Таким образом, в редакции Никоновской летописи, — той, которую мы назвали III, — исследователь увидел первоначальную повесть и даже не одну, а две: «В летописях мы имеем не одно сказание о Михаиле, а два: из этих двух сказаний одно написано не сторонником его, но и не врагом», «... другое сказание написано явным его врагом и по своему содержанию представляет не что иное, как обвинительную против него записку (сказание о Михаиле, враждебное ему, занимает в Никоновской летописи первое место)».³⁶ Содержащуюся в Воскресенской и Типографской летописях редакцию II Повести Е. Голубинский счел, как видим, вторичной по отношению к Никоновской.

Из этой исходной ошибки историка проистекает целый ряд ошибок производных и просто неверных путей его мысли. Так, оценивая характеристику Митяя в Никоновской летописи, порождение литературы XVI в., Е. Голубинский рассуждает, был ли сторонником Митяя ее автор, и делает «несомненное заключение», «что Михаил действительно представлял

³³ Слова эти напоминают выражение Дионисия Суздальского в его Повинном послании князю Дмитрию Ивановичу с просьбой явить на нем («на согрешившем к богу и тебе») свою милость. (Православный собеседник, 1866, ч. I, с. 250). Не имел ли редактор Никоновской в своем распоряжении и это Послание?

³⁴ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. — Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г., вып. I (34). Л., 1927, с. 90.

³⁵ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви. Период второй, Московский. Т. II, 1-я половина. М., 1900, с. 226 и прим. 2.

³⁶ Там же, с. 229 и прим. 2.

из себя редким образом замечательного человека» и что это была «исключительная и совершенно выдававшаяся личность». Далее историк размышляет, «был ли заражен Михаил суетной наклонностью к пышности и щегольству или это требовалось от него положением и нарочито, как от любимца, было требовано великим князем».

В изданной в 1913 г. книге-диссертации Пл. Соколова «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века» текстологическая проблема Повести о Митяе решена следующим образом: «В первоначальном виде мы находим ее (Повесть о Митяе, — Г. П.) целиком в Ермолинской летописи под 6885 годом; с сравнительно небольшими, но очень характерными интерполяциями находим под тем же годом в Воскресенской летописи»; т. е. первоначальным видом Повести, заслуживающим «полнейшего доверия по своей прагматичности и обстоятельности»,³⁷ ученый счел вторичное ее сокращение. Редакция II показалась ему второй по отношению к этому вторичному сокращению. Ошибка Пл. Соколова объясняется тем, что, верно почувствовав вставной характер комментария к смерти Митяя в II, он не сравнил эту редакцию с редакцией I и с погодными статьями содержащих редакцию I сводов (он мог воспользоваться Симеоновской летописью; Рогожский летописец еще не был издан). При сокращении редакции II с некоторой правкой по I комментарий был исключен из Повести, и потому этот ее вид (II^a) показался Пл. Соколову первоначальным.

Первым, кто посмотрел на Повесть о Митяе «историко-филологически», был В. Л. Комарович. Но посмотрел он вскользь, интересуясь не ею самой, а одним из ее героев — Дионисием Суздальским, — как человеком, причастным к созданию Лаврентьевской летописи. Ученый назвал 5 летописных сводов, где содержится Повесть, но различил лишь две ее редакции; Повесть, говорит он, читается «в двух разных редакциях в Симеоновской, Рогожской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской».³⁸ В перечисленных сводах, как мы видели, можно найти 4 варианта Повести: в Симеоновской и Рогожской — редакцию I, в Воскресенской — II, в Ермолинской — сокращение редакции II, в Никоновской — редакцию III. По-видимому, В. Л. Комарович имел в виду редакции I и II сокращенную (II^a), потому что это в другом месте он пишет об одной из них как о распространенной и цитирует при этом редакцию I.³⁹ Все литературоведческие замечания В. Л. Комаровича относятся, однако, именно к редакции I.

В. Л. Комарович первым высказался относительно литературных свойств Повести о Митяе: «... написанная очевидцем на основании бесспорных фактов, повесть эта выдержана в стиле реалистического памфлета, с некоторыми, однако, чертами литературной пародии»,⁴⁰ ее «публицистическая тенденция скрыта приемом литературной пародии».⁴¹

Последним затронул интересующую нас тему Н. И. Прокофьев в работе о русских хождениях XII—XV вв. Он расклассифицировал виды Повести, как он пишет, «по основной идеологической тенденции: Московский свод конца XV в. и Сокращенный летописный свод 1493 г. с недоброжелательностью ведут рассказ о Митяе, а заодно и о Дмитрие Ивановиче Донском, по велению которого московским митрополитом был назначен Митяй. В остальных сводах личность Митяя не подвергается осуждению, выгод-

³⁷ Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 427—428.

³⁸ В. Л. Комарович. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. — См. в настоящем издании, с. 52.

³⁹ История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1945, с. 226—227.

⁴⁰ В. Л. Комарович. Из наблюдений... с. 52.

⁴¹ История русской литературы, т. II, ч. I, с. 226.

ному Киприану и его сторонникам». Нетрудно догадаться, что принципом этой классификации является присутствие или отсутствие в тексте Повести комментария к смерти Митяя, заимствованного из статьи 6887 г. летописей, содержащих редакцию I Повести. Сам Н. И. Прокофьев этого не понял, так как именно эти летописи (Рогожский летописец, Симеоновская и Троицкая летописи) оказались почему-то им обойдены. Пренебрегая мнением предшественников (Пл. Соколова, В. Л. Комаровича), но бездоказательно, Н. И. Прокофьев утверждает, что Повесть о Митяе была создана в то время, когда события, связанные с назначением митрополита после смерти Алексея, уже утихли и стали поучительной историей. В основу Повести, считает он, положены, во-первых, «записи об избрании московского митрополита после смерти Алексея», правленные Киприаном или кем-то из его сторонников, и, во-вторых, «очерковые записки, в которых рассказывалось о путешествии русской делегации в Царьград». Какой из видов Повести древнейший, Н. И. Прокофьев не указывает. Составитель Никоновской летописи, полагает он, воспользовался непосредственно «хождением» Митяя, до нас не дошедшим, поэтому версии Никоновской летописи Н. И. Прокофьев отдает явное предпочтение. «Современники писали, — утверждает он, например, — что Митяй был отравлен его противниками». Как мы помним, о такого рода слухах («инии глаголаху») говорится лишь в Никоновской летописи. Имея в виду несомненно ту же Никоновскую летопись, но не называя ее, Н. И. Прокофьев отмечает, что «личность самого Митяя в одних частях повести освещается прямо-таки восторженно, в других — он осуждается за тщеславие и карьеризм».⁴²

Как видим, исследователи касались Повести о Митяе мимоходом и поверхностно. История ее текста до сих пор не была установлена. Тем самым был закрыт путь к серьезному изучению одного из интереснейших явлений в русской литературе XIV в., а также и путь к пониманию самих событий, о которых в Повести идет речь. Они его, конечно, заслуживают: при общей исторической важности событий и литературы переломного XIV в., борьбе вокруг русской митрополии 70—80-х годов, эпохи Куликовской битвы, борьбе политической, идеологической и литературной, борьбе восточноевропейского масштаба, в которой так или иначе участвовали все значительные тогда силы, — этой борьбе принадлежит громадное, до сих пор еще по достоинству не оцененное значение и в истории России, и вообще в истории Европы.

⁴² Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв. — Ученые записки МГПИ, № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. 1970, с. 128—134.